

Владимир Кантовский вспоминает: Судьба везучего человека

Владимир Кристопович Кантовский, 1923 года рождения. Дважды был репрессирован. Во время Второй мировой войны воевал в штрафном батальоне. Инженер-машиностроитель.

Детство

Так. Ну, начну с родителей. Папа мой, из латышских крестьян-бедняков, в детстве был пастушонком, потом работал на фабрике, с 12-го года уже в партии большевиков. Активно участвовал в революции. Ну, а в 38-м году его арестовали. Ну, я уже был взрослым человеком, мне было пятнадцать лет, и как я после этого считаю, вот с двадцать первого августа тридцать восьмого года началась моя взрослая жизнь.

Ну, через три месяца, вот папу в августе арестовали, а при ноябрьской зачистке, предпраздничной, арестовали маму. Тоже в 38-м году.

Ну, тем временем, значит, я учился в школе. Ужасно много читал, во всяком случае, такой, активно-познавательной литературы, с точки зрения истории, экономики, философии и так далее. Я перечитал столько, сколько, по-моему, за всю жизнь, знаете, не читал, за эти вот последние школьные годы. Ну и вот, так сказать, товарищи у меня были довольно развитые, обсуждая обстановку, мы, так сказать, только в терминах путались, так сказать, искали, какой термин - просто это бонапартизм или это уже фашизм. Ну, соответственно мыслили. Причем совершенно необязательно, что все были дети репрессированных.

Замечательный школьный учитель

А в восьмом классе у нас был, появился замечательный учитель истории, Павел Артурович Дуковский. Так сказать, ну, вообще были хорошие преподаватели, но он особенно ярко, так сказать, настолько четко он требовал не выучивания, а понимания, что это был переворот, так сказать, в сознании

очень многих учеников, так сказать. Очень многим это было очень сложно, как всегда бывает. Другим неплохо. Ну, так заставлял нас обдумывать, что такое история. Довольно резко, довольно, так сказать, четко, пытаться дать объяснения событию, а не просто их описание. Ну, заставил мыслить, заставил мыслить.

Вдруг читаем в Учительской газете нашей, на очередном, сейчас не знаю, может быть, тоже, тогда на январском совещании учителей в районе, нашего Павла Артуровича там грязью мажут почему зря. Ну, мы возмутились, стали ходить в Учительскую газету, еще куда-то, в ЦК комсомола, в райком партии, что такое, так сказать, пробивались на приемы, так сказать, к первым лицам, действительно, прислали из райкома партии какую-то комиссию, которая очень высоко оценила его работу. Это было в марте сорок первого года, а шестнадцатого марта сорок первого года его арестовали. Ну, это было, конечно, шоком, шоком было, ударом, безусловно. Ну, реагируя на это, мы выпустили, ну, не мы, так сказать, это получилось, сначала независимо друг от друга, потом вместе. Ну, это нужно назвать Лену Соболю, Елена Васильевна Соболю такая, я, Анечка Бовшерер, выпустили такие письма, что ли, письма, листовки, ну, в количестве сколько там? Одну-две закладки папиросной бумаги, и разослали по конвертам, и разослали, значит, по разным адресам. Своих учеников, естественно.

Ну, с этим/, с этими материалами кончили школу и встретили войну. Практически одновременно, и сразу значит, после войны/, с началом войны нас всех арестовали.

Арест

Десять лет ИТЛ, десять лет получил я, десять лет получила Анечка. Что Лена Соболю к этому причастна, никто не знал, потому что кроме меня, никто не знал, Аня не знала. Она получила пять лет условно, она была даже еще несовершеннолетней, может, поэтому...

Но и самое мучительное, может быть, все-таки в тот период, это - полное отсутствие информации. Такая хорошая изоляция, что мы не знали, знали что война началась, но то ли наши в Берлине, то ли немцы в Москве, мы не ведали.

Ну вот три лагеря я прошел. Ну, каждый страшен сам по себе. Ну, начнем с первого, Омский лагерь. Ну, он страшен, конечно, в первую очередь эпохой. Ну, общеизвестно, что самый умертвляющий год в лагерях это был сорок второй. Зима сорок первого-сорок второго года косила людей безжалостно, люди умирали от голода, от холода, от тяжелого физического труда, ну и в особой степени это, конечно, относится вот к нашему этапу москвичей, которые перед этим пробыли в неподвижности, в жаре, в тюремных камерах, по семьдесят человек, голодные и совсем не холодные, а наоборот, как правило, всегда даже раздетые. Этот лагерь страшен гибелью людей, этот страшен тем количеством, ну, по-лагерному выражаясь, доходяг, по-медицински - это дистрофиков и пелагриков, которых ты встречал на каждом шагу.

Ну, для меня этот лагерь был еще уроком с двух точек зрения. Даже с больших, может быть, но я скажу, первый урок, важнейший, это то, что ради еды ничего не жалеешь. Отдавай все свои тряпки московские, что у тебя есть еще возможность отдать, лишь бы лишней, так сказать, кусок хлеба, когда ты голоден, съешь. Это элементарный урок. Второй урок – смело берись за любую работу, хоть ты ее и не очень знаешь еще, но ты не такой дурак, чтобы не освоить. Ну, потому что по формальным понятиям кем я там работал – экономистом или там черт его знает что, плановиком, не знаю, как это называется. О чем я понятия не имел, конечно, до того момента, как взялся. И, наконец, третий – может быть, самый главный урок – это то, что если хочешь чего-то добиться, то бей в одну точку, будет у тебя успех, не будет успеха, но каждый раз, как находишь кусочек бумажки, пиши очередное заявление, чем больше ты их напишешь, тем больше у тебя шансов на успех.

Война

Ну, этих заявлений я писал, наверно, десятки. И то ли эти заявления помогли, то ли еще то, что, значит, стало модным, значит, уже сорок второй год шел. Сорок второй год шел, стало модным сост./, формировать национальные части. Я по всем документам латыш, латышская дивизия уже гвардейская была, а где латышей набрать-то? Вот, наверно, и в лагерях тоже подбирали. Ну, я думаю, в сочетании того и другого, ну мне колоссально повезло. Мои десять лет заменили на пять лет с отправкой на фронт.

только что Сталинградская битва закончилась, ну, и крупный мешок был шестнадцатой немецкой армии в районе Демянска, с узким перешейком, что-то, километров семь-восемь, у деревни Сорокино. И вот как я понимаю, – я конечно, не стратег, и со стратегическими планами не знаком, – но очевидно, задача нашей штрафной роты была разведка боем, выявить огневые точки противника, то есть заставить как можно больше стрелять в нас. Ну, для выполнения этой задачи нас, значит/. Ночью, да, вечером мы вышли, всю ночь куда-то шагали, шагали, шагали.

Вот мы там, значит, накопились, накопились, потом дали команду: “Вперед”. Ну, вперед пошли, так сказать, и тут, значит, начали нас, чтоб мы не больно высоко ходили, нас пулеметом положили. Ну, немножко ползли вперед, стали минами накрывать.

По рассказам уже в санитарном поезде, так, по рассказам, в строю стояло после всего этого семь человек. Приехал какой-то генерал или полковник, всем медали нацепил, семи человекам. Ну, я был ранен тогда, вот, так сказать, до сих пор с такой вот рукой кривой хожу. Тут все было раздроблено, конечно, вдребезги.

я считаю, что мне опять здорово повезло. Все-таки из всех тяжелых ранений возможных левая рука самое такое место, наименее плохое. Ну, что дальше? Ну, дальше были госпитали, дальше были госпитали...

Ну, выписали из госпиталя с инвалидностью второй группы.

В 45-м году поехал, женился, с молодой женой поехал к папе туда, в Вятлаг.

А на обратном пути меня на вокзале уже встречали и сказали: “За тобой приходили”. Ну и возле дома встретили, даже домой не поднимался.

Снова арест

Сентябрь сорок пятого. Вот. Тогда, оказывается, уже, так сказать, вот постепенно ребят задержали, тех, тоже с кем я сидел, арестовали еще тех ребят, которые в сорок первом были в армии, которые старше на год.

На Белом море строился завод нашего нынешнего оборонного щита, подводных лодок. И при нем городок, который потом стал Северодвинском. Ну, там я попал, к сожалению, сразу на инвалидную командировку. Это, конечно, было ужасно, потому что у меня перед глазами, то есть, достаточно я был трезв, чтобы понимать, вопрос только в том, там шесть месяцев продержишься или шестнадцать. Значит, опять всеми силами пытался выбраться оттуда, опять повезло, везде писал: “Как вы меня, такого крупного специалиста – два курса МВТУ ж кончил – и держите без работы, когда я могу, так сказать, строить стране городок”. Потому что я не сомневался в том, что нужно вырваться оттуда. Ну, повезло все-таки, еще раз повезло, потому что послали меня в механические мастерские, в гидромеханизацию. Ну а там вообще как-то, повезло чудесным образом.

А бригада механических мастерских, это, конечно, ну что вы - цвет ленинградских машиностроителей, все по десять лет имеют по пятьдесят восьмой, мужики лет тридцать-сорок, так сказать, классные специалисты.

И.О. А рука у вас к этому времени уже прошла? Или так с бинтами?

В.К. Да нет, с рукой на перевязи. И систематически у меня примерно, так сказать, каждый месяц или раз в несколько месяцев обострение, с температурой, с нарывом.

Мучался я с рукой, конечно, у меня было много хлопот, так как да, не мог я, не имел права обращаться к медицине. Потому что если я обращаюсь к медицине, меня направляют в лазарет, а оттуда меня направят куда угодно.

И.О. Да, и вы в инвалидный лагерь опять.

В.К. И я в инвалидный лагерь опять. Значит, кто выступал хирургом? Я сам. Вскрывал себе. Это все вот так вот вздуется. Я знаю, что деваться некуда. Остро наточить ножи у нас умели, в электроцехе всегда был какой-нибудь заменитель спирта. Обожжешь – протрешь...

В 51-м году в сентябре у меня кончился срок. Заехал в Инту на недельку-на две, оттуда освобождали, оттуда этапом повезли в Министерство внутренних дел Коми АССР, в Сыктывкар.

Там мне пришлось, ну, громко скандалить, потому что меня хотели послать куда-то в лес. А что я в лесу буду делать с этой рукой? Подыхать с голоду,

пайка-то не будет. (смеется, кашляет) Ну, добился того, чтобы все-таки в Воркуту послали, где можно трудоустроиться как-то.

А ссылка – это, это не лагерь. Также как лагерь – это не тюрьма, также как общая камера – не карцер. То есть все это определенные этапы на пути, на пути к свободе, скажем. На пути к свободе, каким этапом является советская жизнь, это я не знаю, но, но тоже этап.

Ну, я вообще везучий человек, вот смотрите – мама месяц посидела – выпустили, папа три года в сталинские времена получил, я десять лет получил, через полтора года в армию попал. Ведь это же редчайший случай.

Сценарий:

Алена Козлова, Ирина Островская (Мемориал - Москва)

Оператор:

Андрей Купавский (Москва)

Монтаж:

Себастьян Присс (Мемориал - Берлин)

Йорг Сандер (Sander Websites - Берлин)

© **Международный Мемориал 2011**